

*Одержимый свободой,
Понять я не мог, как избавиться мне от оков.
Научи меня вольности. Алым крылом
Птицы феникс коснись ветров.*

*Как я стал птицеловом?
Не мысля того, я построил тюремную клеть.
Я сломал слишком яркое птичье крыло,
Чтобы птице не дать улететь.*

ГЛАВА 1

ФЕНИКС ЗАБИРАЕТ СОЛНЦЕ

Эпоха Красного Солнца. Год 291.

Сезон великого холода

Лед сковывает живительные потоки.

День последний

Ром-Белиат. Красная цитадель

серебряной гуашью

Аже обладая значительной властью и положением в обществе, не всегда способны мы исправить что-то в своей собственной жизни, не всегда можем предотвратить катастрофу. Точнее, сделать это не удастся практически никогда.

...Он опоздал!

Опоздал.

Лампады, под алыми хоругвями изящно свисавшие с потолка, едва горели тревожным темным пламенем. Вне себя от потрясения, Яниэр застыл на пороге святилища, без слов воззрившись на открывшуюся взору ужасающую картину.

Сцена напоминала кошмар наяву — страшный сон, от которого впоследствии он так и не смог убежать, кото-

рый не смог изгнать из своей памяти. Увиденное в один миг лишало сил и присутствия духа, парализовало, как яд восточной копьеголовой змеи, способный мгновенно обездвижить жертву: не получалось даже сделать вдох.

Мертвое тело Учителя вниз головой висело над алтарем. Тончайшие нити чужой силы опутывали его плотно, как пойманного в красную паутину мотылька. Поддерживая в воздухе, они впивались в жертву так хищно, так жадно, что с легкостью разрезали одежду и не успевшую еще окоченеть плоть.

Это тело казалось непривычно хрупким, уже сломанным. Для фиксации головы и каждой конечности отдельно оно было связано большим связыванием пяти благородных цветов: правая нога, согнутая в колене, упирается в бедро; правая рука, поврежденная, неестественно вывернута и заведена далеко за спину, притянутая нитями к самой шее; указательный и средний пальцы левой тесно прижаты к губам, не давая им разомкнуться. В уголках губ виднелись лиловые отметины, заставляя предположить неприятное... точнее сказать, невозможное: пощечину, унижительный удар по лицу.

Помимо воли Яниэр содрогнулся: в такой позе поругания хоронили клятвopеступников, вывесив их предвzрительно на всеобщее обозрение. И в такой же постыдной, недостойной позе силой удерживал тело Учителя Элиар. И, как будто подобного осквернения недостаточно, на горле наставника алел надрез, точно на месте выхода сонной артерии. Там, известная лишь немногим, располагается имеющая сакральный смысл энергетическая точка контроля.

Секретная точка, которую сам Учитель обнаружил когда-то.

Из аккуратного надреза медленно, тягуче сочилась кровь. Похоже, она успела вытечь практически полностью: жертвенник был весь в крови, отвратительно по-

хожий на место забоя скота, а лицо мертвеца сделалось белее мела. На этом бледном лице яркими пятнами горели знакомые алые штрихи, оттенявшие теперь уже навеки закрытые глаза. Черно-серебряный водопад волос свободно проливался до самого алтаря, впадая в кровавое лотосное озеро.

Все вокруг было в крови Учителя. Слишком много крови... даже стены адитума в темных разводах. Алыми цветами она окропила жертвенный стол, и святая святых храма наполнилась упоительным благоуханием красного лотоса: так пахла не знающая тлена кровь потомков небожителей. Аромат от сжигания ритуальных трав вязко распространялся вокруг, размешиваясь с потоками воздуха. Терпкая смесь запахов лотосной крови и благовоний будоражила и одновременно погружала в странное оцепенение. Черная, запрещенная магическая мистерия творилась тут совсем недавно.

Верховный жрец храма Закатного Солнца мертв, сам благословленный небожителями храм осквернен его смертью. Невозможно больше исполнять здесь священнослужение, да и некому.

Сотворивший все это непотребство стоял тут же, совершенно не таясь, и внимательно разглядывал дело своих рук. Лицо его было таким пустым и бессмысленным, каким бывает во время самого глубокого молитвенного состояния. Яниэр совершенно не понимал, доволен ли Элиар или же вовсе не осознает случившееся.

Яниэр и сам еще до конца не осознавал. Но все же это был конец — точка невозврата. Точка, разделяющая жизнь на до и после.

Один только взгляд на тело верховного жреца, израненное удерживающими нитями с головы до ног, причинял боль. Яниэр, его Первый ученик, задохнулся, мысленно обращая к небожителям запоздалые молитвы и надеясь на то, что бесчисленные порезы нанесли уже после смерти,

во время ритуала повешения, и Учитель избежал жестокой пытки при жизни.

— Ты... убил его? Ты все-таки сделал это.

Как и всегда, довольно скупые слова с едва различимым северным акцентом.

Слова почти не выдавали эмоций, однако голос был полон горечи. Горечь завязала на зубах, неприятно щипала кончик языка. В один миг сердце Яниэра утонуло в печали, а душу затопила боль, которую не избыть.

Элиар не ответил, даже не повернул головы. Казалось, он был полностью поглощен занимавшим его медитативным зрелищем: не отрывая глаз, будто боясь упустить что-то, Второй ученик сосредоточенно наблюдал, как кровь Учителя по капле вытекает из раны, срываясь вниз, в недвижимое красное озеро жертвенника.

Кап-кап.

Кап-кап.

Этот жуткий монотонный звук сводил с ума.

Снаружи красивыми большими хлопьями сыпал снег, снег падал на живых и на мертвых. Внутри храма текла кровь. Ученик убил своего Учителя. Учитель продолжился в своем ученике. Убийца и убитый отныне были связаны навек.

Какой тяжелый, тяжелый снег. Какая тяжелая вся эта бесконечная зима.

Яниэр глубоко вздохнул и подошел ближе — шаг за шагом, очень осторожно, словно боясь потревожить замершего на миг разъяренного зверя. Он шел медленно, будто сквозь воду, искажавшую и пространство, и звук, преодолевая сопротивление застывшего навсегда мгновения. Он слишком хорошо знал дикий нрав сына Великих степей и всерьез опасался, что Элиар может внезапно впасть в гнев и не позволит ему находиться в святилище в такой час.

Однако Элиар никак не реагировал. Кажется, зверь сыт и пьян от крови и пока не собирается бросаться на новую

жертву. Возможно, он опустошен, возможно, обессилен. Не шевельнулся он, даже когда Яниэр приблизился почти вплотную, и только призрачный Коготь Дракона угрожающе покачивался на бедре, дрожа от переполнявшей металл духовной силы. Этот клинок залил храм Закатного Солнца кровью и осквернил его от основания и до самого высокого центрального шпиля.

Стараясь лишний раз не беспокоить взглядом изгиб серебряного лезвия, Яниэр вновь посмотрел на Учителя и заметил, что лотосная кровь потихоньку стекает с нижнего края алтаря и собирается в заранее приготовленном крутобоком сосуде с узорами в виде алых пионов. Какая странная и жестокая процедура. Зачем только все это понадобилось Элиару?

При мысли о возможном использовании крови Учителя в запрещенных ритуалах Яниэр похолодел и молча опустился на колени чуть позади своего извечного соперника и соученика. Бледно-золотое сияние полированного дерева мягко поднималось от пола, но не давало привычного успокоения духа. С величайшим почтением Яниэр взял руку Элиара и, сперва приложив ко лбу, начал целовать ее, эту жестокую руку, которая была вся в крови их общего наставника, таким образом выражая смирение. По щекам беззвучно катились слезы, когда северянин думал о том, что эта самая рука убила Учителя, — но делать было нечего.

Яниэр знал, насколько сильно ненавидит его Элиар, и надеялся хоть немного смягчить сердце кочевника покорностью. Воистину, покорность эта не укладывалась в голову, — должно быть, Элиару дико наблюдать ее от известного гордеца из Ангу, Серебряной Звезды Севера, рожденного в краю безупречно белых клеверных полей. С самого начала ученичества Яниэр не считал выходца из Великих степей ровней, щедро поливая прозванного Красным Волком мальчишку насмешками и ядовитым презрением, смотря свысока, а зачастую и попросту издеваясь.

За все минувшие годы наверняка не раз мечтал увидеть Элиар, как согнет перед ним идеально прямую спину всегдашний любимец Учителя. И вот долгожданный час расплаты пробил: наставника больше нет здесь, чтобы защитить Яниэра.

Внезапная смерть Учителя сломала остатки его гордости.

Пушкой так... да разве важна теперь гордость? Элиар получит все, что захочет, лишь бы только склонил слух к его мольбам. Увы, это последнее, что он может сделать для Красного Феникса Лианора.

— Мой господин, — тихо проговорил Яниэр, употребив обращение, которое в обычных обстоятельствах не пристало употреблять по отношению к младшему по возрасту и статусу Второму ученику. — Прошу тебя, освободи верховного жреца нашего храма. Все кончено — ты победил. Это час твоего триумфа, который никто из нас не позабудет и не оспорит. Ты добился своего: закатилось солнце прославленного Красного Феникса. Разве недостаточно вкусил ты сладость и горечь мести? Прояви же каплю милосердия к побежденным: позволь мне забрать священное тело и совершить все похоронные обряды и службы с подобающими почестями. Даже если ученик превзошел Учителя, в нем должно сохраниться уважение... Закончив с ритуалами, я добровольно пребуду в твоей власти и не подумаю избежать твоего суда.

Элиар безмолвствовал. Казалось, слова Яниэра не достигали заледеневшего сердца кочевника или же не имели достаточно силы разбить кокон его равнодушия.

— Ты опоздал, — чуть усмехнувшись, бесстрастно проговорил наконец Красный Волк. — Учитель не дождался тебя и не увидел перед смертью Первого и лучшего своего ученика. Увы, он был одинок в смертный час.

Услышав это, Яниэр оставил холодную руку в покое и склонился до самой земли, прижав лоб к заляпанному

кровью высокому сапогу победителя. Белоснежные волосы рассыпались по полу и также приняли цвет крови.

— Мой господин несправедлив к нашему Учителю, — осторожно заметил Первый ученик. — Учитель не заслуживает в посмертии быть удержанным в проклятой позе: он не предавал тебя, Элиар. Он не был клятвопреступником.

Яниэр собрался с духом для следующей непростой фразы. В конце концов, ситуация не могла стать хуже, а произнести эту фразу было необходимо, чтобы восстановить справедливость. Пусть и слишком поздно. Пусть и посмертно.

— Учитель не давал распоряжения о нападении на Халдор, — едва слышно прошептал Яниэр, не поднимая лица. Слезы медленно скатывались из уголков глаз, прозрачных, как горный хрусталь. — Красный Феникс Лианора непричастен к истреблению племени Степных Волков, ты спросил этот грех не с того. Клянусь, Учитель ничего не знал, пока ты сам не явился с новостью и во всеуслышание не обвинил его перед послами Бенну. А истинный виновник конфликта... мне жаль... но это отчасти моя вина. Я отдал Карателям злополучный приказ, положивший начало войне с Вечным городом.

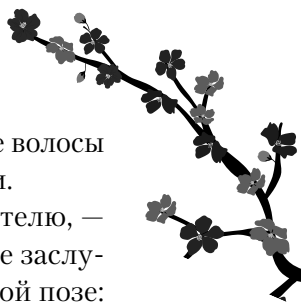
Второй ученик чуть заметно вздрогнул и тряхнул головой, словно очнулся от наваждения. Только вот морок вокруг не спешил рассеиваться: сцена не изменилась ни на йоту.

— Ты лжешь, — пугающе спокойно возразил Элиар, наконец переведя взгляд вниз, на припавшего к его ногам Яниэра. Горланый голос прозвучал непривычно сухо и отстраненно, очень, очень холодно. — Этого не было.

— Было.

В глазах Элиара мелькнула растерянность.

— Этого не было, — настойчиво, с каким-то тоскливым упрямством повторил он. — Не было! Ты лишь пытаешься

посмертно обелить имя Учителя и заставить меня сожалеть. Ты хочешь отравить эти минуты.

— Разве они и без того не отравлены?

— Я не верю тебе. Я не верю!

Яниэр выпрямился и вновь поцеловал руку убийцы, инстинктивно сжавшуюся в кулак. Опасное движение, но терять больше нечего: в откровениях нужно идти до конца.

— Прости меня. Это моя вина и моя ошибка: я ненавидел тебя слишком сильно, чтобы рассуждать здраво. Я недооценил того, на что ты оказался способен. Смерть твоих родичей, твоих соплеменников... а теперь и смерть Учителя — все только на моей совести. Если хочешь, можешь провести дознание и убедишься, что я говорю правду.

Горевшие ярким золотом глаза Элиара расширились и потемнели. С растущим раздражением он вырвал кисть и отвернулся, желая скрыть выражение своего лица.

— Ром-Белиат потерян, — нахмурившись, хрипло бросил Второй ученик. — Нет времени на ритуалы. Скоро здесь будут лучшие бойцы храма Полуденного Солнца. Ты должен поторопиться — я не буду задерживать тебя.

— Боишься узнать, что ошибся, не так ли? — не двигаясь с места, ровным голосом предположил Яниэр. — Ведь уже ничего не изменить. Но я не стану бежать от смерти, если имя Учителя останется опороченным. Прошу, приступай к дознанию: ты должен увидеть правду. Я готов открыть тебе свитки памяти, смотри все, что потребуется. Обнажи мою душу и убедись.

Элиар стиснул зубы и кинул на него полный лютой ненависти взгляд. Пальцы Второго ученика нервно шевельнулись, и распятое над кровавым алтарем тело пришло в движение, принимая позу более приличную и умиротворяющую. Алые нити силы расплзлись в стороны, снимая тугие узлы.

— Выходит, Учитель защитил тебя. Что было в тебе такое, что стоило его жизни?

— Дело не в этом... — Яниэр хотел бы проигнорировать этот едкий упрек, но решил, что Элиар заслуживает разъяснений. — Ты не понимаешь. Дело не во мне, а в характере Учителя. Он — другой человек, не такой, как ты.

— Великий Красный Феникс Лианора слишком надменен, чтобы оправдываться перед неполноценным? — Элиар зло усмехнулся. — Значит, гордость для него важнее истины?

— Элирион...

— Забирай тело и уходи, — безо всякого выражения приказал Второй ученик, внешне никак не отреагировав на сокровенное имя, которым к нему обратились с явным умыслом. — Убирайся прочь. Немедленно!

Сердце Яниэра забилося сильнее, невольные слезы вновь навернулись на глаза. Пусть спасти Учителя не удалось, по крайней мере он уберезет его тело от посмертного поругания и воздаст необходимые почести.

— Благодарю.

Элиар отрицательно покачал головой, предостерегая от излишних надежд.

— Я отдам тебе священное тело Учителя. Позаботься о нем как следует. Но остерегайся когда-нибудь впредь покинуть пределы Ангу и попасться у меня на пути.

Не заставляя повторять дважды, Яниэр согласно кивнул и быстро поднялся на ноги. Нельзя было терять ни минуты, если он хотел исчезнуть из Ром-Белиата прежде, чем сюда нагрянут основные силы захватчиков из восьмивратного города Бенну.

Там, на западе, в золотом Вечном городе уже зацвёл ярко-желтый вестник весны горицвет. Этот крохотный цветок распускается очень рано — первым в конце долгой и суровой зимы. Уже скоро в Бенну можно будет в полной красе полюбоваться его цветением, тогда как Ром-Бели-